

ПРОБЛЕМА ОМОНИМИЧНОСТИ СТРАДАТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ
ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ,
МОТИВИРОВАННЫХ ПЕРЕХОДНЫМИ ГЛАГОЛАМИ СОВЕРШЕННОГО
ВИДА

Е.М. Демьянова

О том, что страдательные причастия, мотивированные переходными глаголами совершенного вида, могут употребляться в значении прилагательных, писали лингвисты еще в XIX веке. Это явление русского языка было зафиксировано Я. Гротом /1, с. 25/. А.А. Потехня отмечал: "Кажется, можно найти средство для измерения степени предикативности причастий и прийти к заключению, что причастия страдательные с довольно давнего времени более близки к прилагательным и тем самым менее предикативны, чем настоящего времени действительные и прошедшего времени действительные" /2, с. 145/.

Лингвист С.Д. Никифоров уже в "Домострое" находил страдательные причастия прошедшего времени, имеющие значение имени прилагательного /например, "возлюбленный сын", "Мудрость прирождения" и др., 3, с. 45/. А.М. Пешковский доказывал, что глагольные прилагательные по своему значению могут быть близки к прилагательным неглагольного происхождения и чаще всего в тех случаях, когда "страдательные глагольные прилагательные не управляют творительным падежом существительного". /4, с. 264/. В.В. Виноградов пришел к мысли о разрушении глагольности в страдательных причастиях /5, с. 280--281/, а С.Г. Бережков считал, что с утратой значения страдательного залога семантика таких причастий становится более качественной /6, с. 72/.

Особенность этой морфологической группы отглагольных образований заключается в том, что они обладают страдательным значением. Но страдательное значение, как известно, тесно связано и переплетается с категорией залога. Естественно, страдательные причастия, как и действительные, на морфологическом уровне осложнены залоговыми значениями мотивирующих глаголов.

Но если останавливаться на отличительных особенностях страдательных причастий, то, безусловно, страдательные причастия имеют и свое собственное, отличное от действительных причастий управление /ср. читающий что -- книгу; книга, прочитанная -- кем?/. Это изменение управления именем существительным страдательными причастиями основано на семантике категории русского залога. Если бы залоговость русского глагола не поддерживалась лексико-синтаксической оппозицией переходности--непереходности, то причастие не могло бы составлять страдательного оборота. А для причастий прошедшего времени с суффиксами -енн/-нн-, -т- "страдательность" находит свою экспликацию именно в семантике страдательного оборота. Поскольку страдательный залог у таких причастий затрагивает не только морфологический, но и синтаксический уровень, то для экспликации его необходимы элементы и синтаксического порядка, т.е. наличие субъекта и объекта, что и составляет вместе с причастием причастный оборот. И только при наличии причастного оборота в предложении, который представляет собой полупредикативную конструкцию, можно говорить о полной выраженности пассивной семантики страдательных причастий. В частности, по этому поводу Н.А. Янко-Триницкая пишет: "Несомненно, что и страдательное причастие при наличии творительного падежа указанного значения /твор. со значением содействующего объекта/ тесно связывается с производящим переходным глаголом и страдательное значение в нем определеннее и ярче. Это сказывается хотя бы в том, что при наличии творительного падежа страдательные причастия никогда не переходят в прилагательные или причастия другого нестрадательного значения". /7, с. 123/.

В современном литературном языке довольно часто встречаются страдательные причастия /по структуре образования/ в изолированном положении, выполняют они атрибутивную функцию. В этом случае уже не может быть и речи о полупредикативном значении страдательного оборота, так как нет конструктивных элементов, составляющих этот оборот. Кроме того, отмечены случаи,

когда при одиночном страдательном причастии субъект не только не выражен вербально, но и не может быть домыслен. Поэтому в лингвистической литературе встречаем различные вариации объяснений страдательного залога в причастии, где субъект подразумевается или не подразумевается. Как правило, когда страдательное причастие /по морфологической структуре/ занимает в предложении изолированную позицию и субъект действия не эксплицируется, то такое причастие принято считать адъективизированным. И совершенно справедливо написано о том, что отсутствие действующего субъекта в конструкции пассива может в некоторой степени приглушить значение страдательности. Степень определенности страдательного значения при том во многом зависит от способов его выражения. /8, с. 617/.

На наш же взгляд, причину возможности и невозможности проявления качественного значения одиночных страдательных причастий в атрибутивном положении целесообразно искать в лексическом значении производящего глагола и вытекающих из лексического значения грамматических свойств таких слов.

Обратимся к языковому материалу. Для удобства рассмотрения примеров отглагольные прилагательные /по нашей терминологии/ и причастия объединены в подгруппы с учетом лексических и семантических особенностей мотивирующих глаголов. Отглагольные прилагательные, объединенные в первую подгруппу, мотивируются переходными глаголами совершенного вида, которые обладают особым семантическим свойством: они свободно соотносятся с возвратными глаголами того же лексического значения; например, запылить--запылиться--запыленный. Семантическая близость производящих переходных глаголов имеет и свои последствия. Отглагольные образования такого типа не способны создавать причастные обороты, так как объект действия уже включен в лексическое значение мотивирующего глагола; субъект-деятель в творительном падеже не восстанавливается, например, завьюженный /кем-чем, только вьюгой/; заснеженный /кем-чем, только снегом/. На невозможность употребления при таких причастиях творительного падежа со значением деятеля указывала Н.А. Янко-Триницкая.

Кроме того, она писала, что "вообще, за небольшим исключением, в любом возвратном глаголе, образованном от переходного глагола, поскольку частица -ся устраняет переходность, действие сосредотачивается, замыкается в самом субъекте" /7, с. 152/. Напр.: "Проходит в час определенный. За нею -- карлик, шлейф влача... И я смотрю, вослед влюбленный. Как пленный раб на палача..." /А. Блок/. Слово влюбленный соотносится с абстрактным существительным на -ость. "И вот -- я стал поэт. Влюбленность расцвела в кудрях..." /А. Блок/. Интересно обратить внимание на тот факт, что слово влюбленный не обладает способностью управлять именем существительным в творительном падеже, в то же время, соотносясь с возвратным глаголом того же значения /влюбиться/, сохраняет идентичное с ним управление, например, влюбиться в кого/что. Ср. в стихотворении А. Блока "Деве-революции": "О, дева, иду за тобой -- И страшно ль идти за тобой Влюбленному в душу свою..."

Следует отметить и возможность образования как наречия от этого слова, так и степени сравнения. "Я все влюбленней и мятежней. Смотрю в глаза твои, сестра. /А. Блок/. Ср.: влюбленный -- влюбленно -- влюбленней. "В доме было много смешных вещей: ..., запыленный букетик камелий" /К. Паустовский/.

Л.П. Калакуцкая /9, с. 179/ видит причину адъективации слова запыленный в том, что в этом слове грамматикализованная приставка, которая /как и вообще все грамматикализованные/" не вносит никаких дополнительных характеристик действия, кроме результативности"... Пожалуй, можно было бы согласиться с тем, что в данном случае грамматикализованная приставка за- не препятствует адъективации этого слова, если бы был контекст, где слово запыленный имело семантику истинного причастия. Поэтому целесообразнее это слово и ему подобные считать отглагольными прилагательными, а не причастиями. Ср.: "Я ударил заржавленным ломом по слоистому камню на дне" /А. Блок; "Зевая, мы играем, как в картишки, в засаленные стертые страстишки" /Е. Евтушенко/.

Слово засаленный мотивируется глаголом засалить во втором его переносном значении: загрязнять нравственно /БАС, т. IV/.

Р.А. Маркарян пишет о том, что в словах заржавленный, запыленный, припудренный характер производящих глаголов влияет в направлении развития в них с "качественным" значением "относительного" значения. /10, с. 3/. В то же время справедлива и мысль В.В. Виноградова: "Прилагательные, в которые превратились бывшие страдательные причастия, имеют в современном языке такое значение: подвергшийся какому-нибудь действию в достаточной степени, такой, что является результатом какого-нибудь действия" /4, с. 220/. Эта мысль верна, на наш взгляд, за исключением только лишь одного: не прослеживаются в языке "бывшие" причастия, впоследствии мотивирующие прилагательные; вероятнее всего, те и другие существовали параллельно, но не обязательно со строгим соблюдением соотносительности между ними. Трудно представить, что язык, отражающий постоянно усложняющуюся действительность, упрощается именно в этом направлении /атрибутивное употребление причастия естественно структурно проще, чем причастный оборот/. Да и лингвисты, исследующие научный стиль речи, не отмечают обратно пропорционального развития языка в окружающей жизни. Обращаясь в слову засаленный, не безынтересно проследить рассуждения лингвиста И.К. Сазоновой /11, с. 101,103,105/, которая исследует такую же группу причастий. В своих рассуждениях она тоже опирается на анализ лексического значения глагола и, по ее словам, в "изолированном положении" происходит некоторое временное окачествление глагольного значения причастия", связь с инфинитивом обеспечивает "устойчивость объединения глагольного и адъективного значения в пределах одного слова, что не приводит к нарушению их семантического тождества." Автор считает, что об омонимии можно говорить в том случае, если нарушена связь с инфинитивом. В доказательство этого положения приводятся следующие примеры: вооруженный красноармеец, замедленное движение, засаленный полушубок, утомленные люди, запущенное производство, пальто с продырявленной подкладкой.

И.К. Сазонова считает эти слова прилагательными, омонимичными словам-причастиям в соответствующих причастных оборотах. Но нужно заметить, что эти прилагательные не потеряли связь с мотивирующим глаголом. Установить эту связь помогает БАС.

Вооружать, вооружить

I. Снабжать кого, что-либо оружием, военным снаряжением

Вооруженный. Имеющий при себе оружие. БАС, т. II.

Замедлять, замедлить

I. Делать более медленным, уменьшать скорость чего-то

Замедленный.

Уменьшенный, убавленный в силе, скорости и т.д. БАС, т. IV.

Засалить, засаливать

I. Загрязнять, пачкать чем-нибудь жирным, сальным. Перен. Загрязнять нравственно.

Засаленный. Грязный от долгого употребления, со следами жирных пятен. БАС, т. IV.

Нужно отметить, что в БАС не зафиксировано отглагольное образование, мотивированное переносным значением глагола засаливать, но это уже другая проблема.

Как видно, глагол засаливать-засалить -- многозначен и способен мотивировать отглагольные образования, имеющие разный набор семантических признаков /причастие и прилагательное/: "и все -- это, все это я принимаю в расчет, и все-таки надо принять в большой расчет, что мы в школе получаем готовый материал, определенную психику, готовые навыки" /А. Серафимович/.

Как известно, образование степеней сравнения является ярчайшим доказательством проявления качественности: "Может, грамматически речь его и вышла правильнее на немецком языке, но яснее и определеннее она не стала" /А. Герцен/; "Левин находился в отношении к религии, как большинство его современников в самом неопределенном отношении" /Л. Толстой/. "Вновь оснеженные колонны, Елагин мост и два огня" /А. Блок/. Ср. образование степеней сравнения: "Снег вокруг, среди сосновых розоватых стволов, становится все глубже, белее, сосны все оснеженнее"

/И. Бунин/; "Надышаться блаженством спеша, Отдаленного шума прилива Уж не может не слышать душа" /А. Блок/.

Ср. превосходную степень: "Правда, я живу в отдаленнейшей части города" /Ф. Достоевский/.

В этих предложениях отглагольные образования занимают изолированное положение в качестве атрибута. Страдательный причастный оборот, если и составляется с данными отглагольными образованиями, то выглядит искусственным. Ср.: букетик, запленный...; лом, заржавленный... и т.д.

Проявление этих качеств объясняется особым лексическим значением мотивирующих глаголов, которые, с одной стороны, не допускают постановки дополнения в творительном падеже /ни со значением орудийности, ни со значением субъекта-деятеля/, с другой стороны, свободная соотнесенность с возвратными глаголами, свидетельствует о замкнутости мотивирующей основы действия в самом субъекте.

Отглагольные образования такого типа легко заменяются синонимами -- прилагательными неглагольного происхождения, например, заржавленный -- ржавый; засаленный -- сальный и т.д.

Кажется, нужно еще добавить, что признаком качественного значения этих и подобных им отглагольных слов является их семантическая соотнесенность с существительными на -ость, -ение, -ание. И действительно, отглагольные образования, структурно мотивированные переходными глаголами совершенного вида анализируемой группы в семантическом значении близки к существительным абстрактного содержания, например, заболоченный -- заболоченность; запленный -- запленность и т.д.

Вторая группа отглагольных прилагательных, которые будут приведены ниже, несколько отличается от предыдущей тем, что они мотивируются глаголами переносного значения или одним из значений многозначного глагола. Начнем с примеров: "Кто знает, сколько отчаянья от этой разлуки перенес наедине с собой этот внешне спокойный и сдержанный писатель" /К. Паустовский/.

Значение отглагольного слова сдержанный соотносится с пе-

реносным значением глагола сдержать. Сдержать/ 4. Не давать чему-либо проявляться в полную меру, обнаруживаться полностью. БАС/. "Потом странно посмотрел на слугу невидящим взором очень близорукого и рассеянного человека" /И. Бунин/. "Ученым, по общему мнению, свойственна рассеянность; вероятно, это качество не универсально, но когда видим организованного собранного ученого, мы считаем его исключением" /И. Кон/.

Организовать толкуется в БАС /3-е значение/ следующим образом: ... "Упорядочить, придавать чему-либо планомерный, согласованный характер; устроить по плану". Мотивирующий глагол собрать трактуется так: "Направить свои мысли, волю, чувства на что-либо одно: сосредоточиться" /БАС, т. XIV/; соотносительное значение имеет и отглагольное образование собранный. /2. "Умеющий сосредоточить свои мысли, волю, чувства на чем-либо одном, главным: находящийся в состоянии внутренней готовности к чему-либо /обычно трудному/" БАС, т. XIV. По этому поводу В.В. Виноградов писал: "Тенденция к окачеству причастных форм все шире распространяет круг своего действия. Она развивается и независимо от соотношения причастия с отглагольным существительным. Например: истасканный /истасканное лицо -- и: туфли, истасканные мною за месяц/; потерянный /потерянный вид, потерянный человек -- и кошелек, потерянный касиршей" /5, с. 282/.

"Теперь Юлька, зная по опыту, что мать потом, после таких разговоров, будет и день и два ходить как потерянная..." /Ю. Антонов/. Потерять -- одно из значений этого глагола по БАС /т. X/ трактуется так: "Потерять разум, сознание, чувство."

В связи с приведенными примерами имеет смысл обратиться к размышлениям В.В. Лопатина по поводу процесса адъективации. В.В. Лопатин совершенно справедливо замечает, что в процессе адъективации следует различать синхронный и диахронный характер этого явления. Он считает, что процесс адъективации не приводит к появлению новых слов -- омонимов. Эта же точка зрения представлена и в Грамматике-70. Продолжая исследовать взгляды В.В. Лопатина /2, с. 38--40/, следует отметить, что по

его мнению, отглагольные образования, мотивированные переходными глаголами совершенного вида, не могут считаться омонимами по отношению к причастиям, даже если они способны образовывать степени сравнения, краткую форму, быть базой для образования наречий на -о, -е; соединяться со словами, обозначающими степень качества.

В таком случае остается один вопрос: какие отличительные признаки характеризуют имена прилагательные? Если обратиться к аналогии, то следует отметить, что в русском языке достаточное количество имен прилагательных, соотносящихся с глаголами; например, черный, белый и т.д. Полагаем, что все признаки, приведенные В.В. Лопатиным, можно причислить к индикаторам имени прилагательного. Примеры: "Забитый гвоздь и забитый человек". Забитый /1/ мотивируется словом, значение которого связано с конкретным физическим действием; забитый /2/ мотивируется другими глагольными значениями. В БАС это значение интерпретируется так: :5. Подавлять силой, обилием, превосходством и т.п." /IV/. Соответственно, забитый /1/ и забитый /2/ определяются и разными зависимыми словами. Ср.: глубоко забитый гвоздь и очень, крайне, чрезвычайно забитый человек. Словообразовательная модель и структура таких слов совершенно одинаковая, но лексическое значение и грамматическая семантика различны: следовательно, эти слова можно считать омонимами.

Вернемся к анализу рассматриваемой группы отглагольных образований.

Безусловно, что в этой группе отглагольных образований можно найти такие, которые могут создавать пассивную конструкцию, но она будет носить искусственный характер, а субъект этой конструкции -- тавтологическим. Примеры: "Опять предстоял потерянный вечер". Ср.: "Мне предстоял мною потерянный вечер". "Ему предстоял потерянный им вечер". Естественно, так никто не говорит. Обычное предложение выглядит так: "Для меня это был потерянный вечер" и т.д. Как уже здесь неоднократно было написано, невозможность образования пассивной конструкции кроется

в многозначности и переносном значении мотивирующего глагола. Переносное значение образующего глагола изменяет и характер грамматических свойств по сравнению с первым его значением. Проявление новых грамматических свойств сказывается и на словах, произведенных от этих глаголов, но между мотивирующим и производным словом остается тесная лексическая соотнесенность. Одно слово, но с разными лексическими оттенками, обладает сочетаемостью неодинакового характера, что тоже свидетельствует об их различии в грамматическом плане. Например, потерянный чемодан и потерянный вечер. В каждом случае отглагольные образования могут определяться разными примыкающими наречиями. Ср.: "Только что, навсегда, внезапно, случайно и т.д. потерянный чемодан и бесцельно, попусту, обидно, зря потерянный вечер".

Анализ большого количества слов, занимающих изолированную позицию в качестве атрибута и мотивированных переходными глаголами совершенного вида, приводит к мысли о том, что особенности лексического значения мотивирующего глагола способны быть базой для конструирования как собственно страдательных причастий, так и отглагольных прилагательных. Омонимы такого рода обладают соответственно каждый отдельно набором всех семантических признаков, выраженных имплицитно и эксплицитно, как причастия, так и отглагольного прилагательного. /13, с. 115--116/.

Примечания

1. Я.К. Грот. Филологические изыскания. Изд. 4, СПб., 1976.
2. А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике. М., "Учпедгиз", 1958, т. I, II.
3. С.Д. Никифоров. Из наблюдений над изучением некоторых глагольных форм в памятниках второй половины XVI в. -- Ученые записки МГПИ им. Ленина. т. XI, вып. 2, 1948.
4. А.М. Пешковский. Наш язык. ч. II, М.--Л., "Гиз", 1925.

5. В.В. Виноградов. Русский язык. /Грамматическое учение о слове/. "Учпедгиз", М.--Л., 1947.
6. С.Г. Бережков. К вопросу о переходе причастий в прилагательные. -- Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. т.ІХХ, кафедра русского языка. 1939.
7. Р.А. Янко-Триницкая. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
8. Грамматика русского языка. т. I, II, "Наука", 1982.
9. Л.П. Калакуцкая. Адъективация причастий в современном русском языке. "Наука", М., 1971.
10. Р.А. Маркарян. Страдательный залог и страдательные обороты в современном русском языке. АКД, М., 1952.
11. И.К. Сазонова. Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения слова. -- ВЯ, № 6, 1971.
12. В.В. Лопатин. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию. -- ВЯ, № 5, 1966.
13. Е.М. Демьянова. Соотношение причастий и отглагольных прилагательных с омонимичными суффиксами и их сочетаемость с наречиями. Диссертация. Л., 1973.